

КР-1365598

*Звездой,
сорвавшейся в ночи...*

Воспоминания северян
о Николае Рубцове

*Мурманск
2006*

К 70-летию

*со дня рождения поэта
Николая Рубцова*

В сборник вошли воспоминания северян лично знавших Николая Рубцова. Это участники литературного объединения «Полярное сияние», сослуживцы по Северному флоту.

При подготовке сборника использовались материалы периодических изданий «Комсомолец Заполярья», «На страже Заполярья», «Мурманский вестник», «Рыбацкие новости», «Советская Россия».

Большое сердце поэта

Бывают воспоминания радостные, бывают – грустные. Но бывает в жизни такое, о чем вспоминать не хочется. Не хочется вспоминать о том, как уходили в невозвратное друзья. С ними хочется жить, шуметь, петь, спорить. Но...

О них не надо вспоминать, их надо помнить. Всегда. Как помним мы Николая Рубцова.

...Январь 1971 года. В Петрозаводске идет заседание правления Карельского отделения Союза писателей РСФСР. В союз писателей принимают двух мурманчан – Бориса Романова и автора этих строк. И вдруг телефонный звонок.

– Звонят из Вологды. Только что трагически погиб поэт Николай Рубцов...

Как шло дальше обсуждение наших кандидатур, не помним – ни Борис Романов, ни я. Нас не взволновали даже результаты голосования. Борис вместе с Николаем Рубцовым служил на Северном флоте, вместе начинал заниматься в литературном объединении при газете «На страже Заполярья». Я вместе с Николаем учился в Москве, в Литературном институте имени М.Горького.

Тогда еще с творчеством Рубцова не были знакомы миллионы читатели, и книги его не издавались в десятках издательств всей страны. Но уже тогда мы, его ровесники и друзья, понимали **кто он** среди нас. И чувствовали: **он больше**. Не по книгам – их у нас было не меньше. И не потому, что он уже был членом Союза писателей, а мы еще только вступали. По таланту. Даже не по поэтическому, хоть и по нему тоже, – по таланту жить и дышать Родиной, чувствовать и понимать ее душу.

КР 1365598

Какое же всеобъемлющее сердце надо было иметь поэту, чтобы вместить всю нашу громадную Россию, чтобы жить ее радостями и печалью, болеть ее болью, видеть ее настоящее и предсказывать будущее! Действительно, у большого поэта – большое сердце.

Нам, северянам, Николай Рубцов особенно дорог. Уже потому хотя бы, что его биография нитью вплелась в

ткань нашего края:

Я, юный сын
морских факторий,
Хочу, чтоб вечно
штурм звучал,
Чтоб для отважных
вечно – море,
А для уставших
– свой причал...

В кармане у меня авиабилет. Я лечу на родину Николая Рубцова, которому 3 января исполнилось бы 50 лет. Ох уж это «бы»... Со всей страны приедут в Вологду друзья поэта на юбилей, на котором не будет юбиляра. Хочу закончить словами его земляка, русского поэта Сергея

Викулова:

«На могиле его, на простеньком дешевом надгробии, по желанию вологодских друзей поэта начертана знаменитая строка из его стихотворения: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» И звучит она как завещание потомкам любить и беречь свою Родину, преумножать ее славу и величие своими деяниями».

С. Шмитько

«Звезда полей»

Имя Николая Рубцова, бывшего матроса-североморца, одного из участников флотского литературного объединения, ныне проживающего в Вологде, можно поздравить с большой удачей. Издательство «Советский писатель» выпустило в свет книгу стихов «Звезда полей», тепло принятую и читателями, и критиками.

То, о чем пишет поэт, глубоко им прочувствовано, — это стихи о неяркой природе Севера, о родной Вологде, о службе, о море.

Творческая судьба Рубцова складывалась на Северном флоте. Первые его стихи были опубликованы в газете «На страже Заполярья». Уже тогда, за строками, порой несовершенными, проступало то чувство, которое стало потом главным в его творчестве — чувство любви ко всему земному. Эта любовь привела Рубцова к очень тонкому, очень личному восприятию добра и прекрасного на земле.

Поэт удивляет не внешне вычурной отделкой строф, а внутренней наполненностью, зрелостью. Он черпает силы из чистых родников русской поэзии: Тютчев, Фет, Есенин – его учителя. Ему чужды декламация, пафос.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
МОСКВА, 1957

Весной прошлого года Николай Рубцов был в Москве. Мы вспоминали Североморск, морскую службу. Я разыскал вырезки из флотской газеты, первые номера альманаха «Полярное сияние».

– Мне очень дороги стихи, которые я написал в матросском кубрике, – сказал поэт и, улыбнувшись, прочитал:

Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал...

Думается, Рубцов обязательно напишет еще много добрых стихов о заполярном флоте, где прошла его юность.

Полонез Огинского

В книге "Воспоминания о Рубцове", вышедшей в Северо-Западном книжном издательстве в 1983 году, писатель, наш сослуживец, Валентин Сафонов пишет: "Внимательно читаю и перечитываю работы наших критиков и литературоведов о Николае Рубцове и вижу, что о том периоде его жизни и творчества, который можно назвать условно "флотским", говорят очень скудно или – чаще всего – совсем не говорят. А ведь это целая эпоха: четыре года службы на военном корабле, участие в работе литературного объединения СФ при газете "На страже Заполярья", публикации во флотской печати (многие из них сохранились в единичных экземплярах). И эти четыре года, что особенно важно, – время становления Николая Рубцова, становления личности поэта. Начало".

Мне повезло служить с Рубцовым на Северном флоте, на одном корабле. И, читая о нем все до сих пор написанное, я понял, что должен несколько восполнить тот пробел, о котором говорит В. Сафонов. В старых блокнотах у меня сохранилось несколько его стихов, возможно, даже неопубликованных. Во всяком случае, в тех сборниках, которые у меня есть, этих стихов нет.

...Сентябрь 1955 года. Светлое северное солнце уже повернуло на осень. Под его нежаркими лучами во дворе какой-то из архангельских лесопилок, заваленной горами бревен и штабелями смолистых досок, колготилось сотни три новобранцев. С Вологодчины, Пинеги и Онеги собрали их сюда, на сборный пункт военкомата, чтобы, как говорят военные, отбыть к месту будущей службы. Это потом Коля напишет:

...Районный военком,
седой и строгий,
Мне коротко сказал:
"Пойдешь на флот!"

А в тот день ничего ясно не было. Чего-то ждали, наверное, командиров, которые должны были нас пересчитать, переписать, распределить кого куда и направить к тому самому месту службы, а куда – никто из нас еще не ведал. Сержанты и старшины, пока приставленные к нам, лишь поспешили над нашими вопросами.

А пока весь этот бритый наголо молодняк бесцельно слонялся по огороженной территории, сбиваясь в кучки и компании. Кое-где позвякивали бутылки, из рук в руки переходили стаканы. А кто-то отрешенно возлегал на теплых досках, предаваясь бог знает каким размышлениям.

И тут во дворе возник старичок. Небольшого роста, весь белый, прозрачный, будто одуванчик. Он шустро взобрался на штабель досок, что повыше, и все обратили внимание – дедок был весь увешан какими-то дудками, бубенцами, барабанчиками, маленькими гармошками, а в руке – скрипочка. Утвердившись на штабеле, дед неожиданно густым голосом возгласил:

– Ну, граждане рекруты, чего изволите послушать?

– "Как родная меня мать провожала-а-а..." – раздался из толпы хмельной голос какого-то "рекрута". И сразу же вся эта музыка у деда заиграла, засвистала, забренчала предложенный мотив. Да так лихо, что многим захотелось плясать. И заплясали...

Потом дед исполнил еще несколько популярных в то время мелодий. Уже все новобранцы стояли вокруг, радуясь неожиданному развлечению, приплясывая и

подпевая. Когда дед отыграл свой, видимо, привычный репертуар и на минуту остановился, вытирая цветным платком лысую голову, паренек, сидевший чуть ниже него на досках, дернул его за штанину и спросил: — Дед, а полонез Огинского можешь?

Музыкант быстро глянул вниз, на паренька, сунул куда-то платок, передвинул на груди какие-то инструменты, приложил к подбородку скрипочку и заиграл...

Никогда прежде я не слышал такой пронзительной музыки, которая вот так сразу пришлась к месту и к сердцу каждого из нас. И никто из нас, наверное, не знал тогда, что это за полонез и что это за Огинский, но всем стало жутко и сладко и понятно, о чем эта музыка. И не было ничего вокруг сильнее и желаннее этой щемящей душу мелодии...

Мы опомнились, когда дед уже спускался на землю. И пока он семенял к воротам, в карманы ему совали смятые рубли и трешки.

А с пареньком, заказавшим такую необыкновенную музыку, мы оказались в одном вагоне поезда, мчавшего нас куда-то в ночь, на север, к месту службы. Это был Коля Рубцов.

Северный флот. Курс

молодого матроса. В ту пору мы редко встречались с Колей – были в разных ротах. Когда увидел его в первый раз в форме, да с винтовкой образца конца прошлого века, невольно рассмеялся: шинель до подметок, а примкнутый к стволу винтовки штык торчал намного выше головы, подчеркивая его маленький рост. Впрочем, все мы, наверное, выглядели так же нелепо, пока не научились носить флотскую форму.

...Эскадренный миноносец "Отчаянный" стал на долгие четыре года не только местом службы, но и родным домом. Боевой пост Коли, визирщика-дальномерщика артиллерийской боевой части, был на фок-мачте, повыше командного мостика, а мой, машиниста: котельного, – намного ниже ватерлинии. Его кубрик – под носовой надстройкой, мой – под ютовой палубой

И, хотя нас разделяло всего около ста метров, виделись мы нечасто. Корабельная служба, строгое расписание боевых вахт в походе не совпадали с нашими желаниями, а мы уже выяснили, что оба пишем стихи.

Но все же встречались между вахтами, перекуривая на юте полярными ночами, светлыми от сполохов северного сияния, где-нибудь у берегов Новой Земли или еще подальше. И каждый раз говорили о стихах. Что я тогда писал, уже и не помнится, но там я впервые услышал от Коли стихи Есенина, он читал наизусть стихотворение за стихотворением. Особенно врезалось: "Ты жива еще, моя старушка..."

Я тогда о Рубцове еще ничего не знал, просто он не рассказывал о себе. Но, слушая стихи Есенина, которого в нашей школьной программе не было, и мы даже не слышали о таком поэте, я улавливал, что он близок чем-то и Коле, и мне. И я не мог понять, когда Рубцов читал есе-

нинские стихи, а когда – свои, настолько органично они продолжали тему. Коля читал стихи вроде бы для себя, негромко, но его слушали все, кто в тот момент был рядом.

Точно не могу сказать, но думаю, что чтение Есенина ему было нужно, чтобы проверить на слух что-то свое. Теперь я знаю, что читал он нам тогда много и своих стихов, вернее, их первые варианты. Например, знаменитое стихотворение "Я буду долго гнать велосипед" начиналось строфой:

Мне очень больно,
но обиды нет,
И унывать себе я не велю.
Нарву цветов и подарю букет
Той девушке,
которую люблю...

А о велосипеде там не было ни одной строчки...

Помнится, два-три раза матросу Рубцову перед строем объявляли взыскание за занятия посторонними делами во время несения вахты, и его командир показывал всем какую-то тетрадку. Потом эту тетрадку, а может, другую, я видел постоянно у Коли в руках свернутой в трубочку. Однажды я заглянул в нее: стихи, стихи... Одно я попросил переписать. Ни в одном сборнике я потом не нашел его, поэтому привожу полностью.

Как живешь,
моя добрая мать?
Что есть нового
в нашем селеньи?
Мне сегодня
приснился опять

Дом родной, сад
с густою сиренью...
Помнишь зимы?
Свистели тогда
Вьюги. Клен у забора
качался.
И, продрогнув насквозь,
иногда
К нам в окно осторожно
стучался.
Он, наверно, просился
к теплу,
Нас увидев в просвете
за шторой...
А мороз выводил по стеклу
Из серебряных нитей узоры.
Волки выли во мгле
за рекой...
И однажды в такое ненастье,
Помнишь, ты говорила
со мной
О большом человеческом
счастье?
И недаром в дозорных ночах,
Милый край от врагов
охраняя,
О простых
материнских ночах
Я с любовью теперь
вспоминаю...
Как живешь,
моя добрая мать?
Что есть нового

в нашем селеньи?
Мне сегодня
приснился опять
Дом родной, сад
с густою сиренью...

Почему-то Коля любил приходить в свободное время в наш кубрик, где жили кочегары и машинисты. Наверное, потому что сам до армии успел, оказывается, поработать кочегаром на рыболовном судне. Много позже я прочитал у него:

Я весь в мазуте,
весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте!

Он появлялся всегда неслышно, и мы, занятые своими делами, замечали его уже сидящим на рундуке с гитарой или гармошкой в руках, которые постоянно были "прописаны" в нашем кубрике. Всегда кто-то подсаживался рядом, и тогда Коля громко ударял по струнам и с надрывом начинал всегда одно и то же:

Завял наш старый сад,
Опали листья в нем.
А на душе моей
Печальное волнение-е-е...
Ушла ты от меня,
Любви возврата нет,
И осени сырой
Я слышу дуновение-е-е...

Обычно молчаливый, сосредоточенный, даже угрюмый, он в эти минуты преображался, светлел и пел уже какие-

то частушки, по всей видимости, сочиняемые тут же, экспромтом, про нашу флотскую жизнь. Было всегда остроумно и точно. Например:

Июньский пленум,
июньский пленум,
ты наш оплот!
Хорошим сеном
ты кормишь флот!..

Петь такое было в ту пору чревато... Или вот такое:

Можно жить и лежа
на полатях,
Бить баклуши хоть
до сотни лет.
Жизнь моя, промчись же,
Как торпедный катер,
Оставляя за собою
Бурный след!

Разве не так он прожил свою жизнь? А это он пропел в девятнадцать лет...

Насколько серьезно он относился уже тогда к своему творчеству, можно судить по тому, как дотошно он разбирали мои беспомощные строчки и, встретив рифму "слезы-морозы", сильно сердился и доказывал горячо, насколько это плохо. Однажды он показал мне две строчки и предложил что-то вроде конкурса – продолжить, чтобы получилось стихотворение:

На снегу, как тюлени,
лежат валуны.

Чайки плещутся в пене
набежавшей волны...

Мы стояли тогда на рейде одной из северных бухт, и я видел эти валуны и этих часек, но, сколько ни бился, получалось все не то. Так в моем блокноте и остались только эти две его строчки. А Коля через пару дней показал стихотворение, ныне опубликованное во всех его сборниках.

Тем не менее напечатался я раньше его. Сейчас-то я понимаю, какая это была наглость с моей стороны, ведь я знал, что мои стихи плохи, но все-таки послал несколько в мурманскую молодежку "Комсомолец Заполярья", и два были напечатаны.

Коля долго молчал, прочитав их. А на следующий день принес несколько листов с отпечатанными на них стихами и сказал: "Вот, хочу послать в нашу флотскую газету. Напиши несколько строчек: кто я, что я... И вообще". Я написал. Потом мы долго сидели, правили мой текст, что-

Здесь он начинал...

Передо мной очень дорогая мне книга, изданная в 1983 году. Называется она «Воспоминания о Литинституте (к 50-летию Литературного института имени А. М. Горького Союза писателей СССР)».

Литинститут... Тверской бульвар, дом Герцена... Мой родной институт, в котором проучился с 1964 по 1970 год. Более 30 лет прошло со дня его окончания, но в памяти – словно было все вчера...

О многом можно вспомнить. Но сегодня – о Рубцове. Дабы отвести Возможные обвинения в «примазывании» к великим, сразу скажу: с Николаем Михайловичем (он был на шесть лет старше меня) мы никогда не были ни друзьями, ни приятелями. Просто мне посчастливилось (осознаю это уже задним числом) быть рядом с ним на одном временном отрезке, в одной альма-матер, не раз встречаться с ним как в самом институте (а этот старинный особняк сравнительно небольшой, и студенты все знали друг друга в лицо), так и в литинститутской «общаге», девятиэтажном здании у троллейбусной остановки «Зеленый дом», неподалеку от Останкинской телевизионной башни.

К нам в комнату, в которой мы обосновались впятером с самого поступления в институт, не раз заходил «на посиделки» Н. Рубцов. Собственно, не «к нам», а к Виктору Чугунову, многообещающему прозаику из Кемерово уже в те годы состоявшему в Союзе писателей СССР. За «рюмкой чая» велись разговоры на самые различные темы. Правда, Николай предпочитал помалкивать – был он не из тех людей, о которых говорят: «душа нараспашку».

Однажды (кажется, это было в октябре 65-го) вышел я

на крыльцо пивного бара, находящегося рядом с общежитием и, естественно, активно посещаемого «студентами-писателями». Вышел и Николай Рубцов. Стоим, дышим осенним воздухом. По асфальту, гонимые легким ветерком, движутся с шуршанием опавшие листья кленовых деревьев. Пожухлые, с загнутыми краешками...

И вдруг Николай спрашивает меня: «Слушай, старик. А на что похожи эти листья сейчас?»

Надо заметить, что в эту игру – что на что похоже, с чем можно сравнить? – мы играли частенько, – поэты все же... Начал я фантазировать... И тут (никогда не забуду изумления от преподанного мне урока поэтического мастерства) Рубцов говорит: «Мне кажется, это крабы, передвигающиеся по морскому дну...» Настолько точным, в самую «десятку», был этот образ, что я только мог завистливо вздохнуть...

Да, я начал с книги «Воспоминания о Литинституте». В ней есть главка «О Николае Рубцове», написанная проректором института по научной и учебной работе Александром Михайловым, известным в Союзе литературоведом и критиком, который некоторое время вел нашу группу семинара поэзии (как многое в жизни переплетается!..).

Думаю, флотским читателям будет небезынтересно прочитать его воспоминания о поэте Рубцове и стихи самого

Николая Михайловича; некоторые из них написаны им в годы срочной службы на Краснознаменном Северном флоте.

Напомню, что тогда, в конце 50-х годов, Н. Рубцов был одним из самых активных (по свидетельству первого Председателя флотского литобъединения Владимира Васильевича Матвеева) членов ЛИТО. Здесь он начинал...

В. Сорокажердьев

Деньги для Коли

На третьем курсе Литературного института я купил подержанную пишущую машинку марки "Москва". Аппарат имел железный корпус, расхлябанную каретку, но для печатания стихов вполне годился. Событие это косвенным образом связано с поэтом Николаем Михайловичем Рубцовым.

В шестидесятые годы приобрести хорошую новую пишмашинку простому советскому студенту считалось за великое счастье. Они (восточногерманские "Эрики") продавались на Пушкинской в специализированном магазине по предварительной записи, а записывались желающие в определенный день, раз в год. К тому же стоила "Эрика" по тем временам больших денег – 160 рублей.

Однажды, зайдя к соседям по этажу, поэтам Нечунаеву

лось также, что на эту сумму можно купить десять бутылок водки и закуски. Не многовато ли?.. Уточнять не стал, отправился к соседям, туркменам-переводчикам, они мне не отказывали. Но достал только 25 рублей.

– Извини, больше нет, – сказал я товарищу. Тот махнул рукой:

– Ладно, и на том спасибо, выручил.

На следующий день, достав еще денег, явился за машинкой и был встречен очень шумно, ибо народ жаждал пива.

Пиво пить пошли в ближнюю столовую. Там-то, за кружкой, и узнал, что деньги понадобились... Рубцову на билет в родные места, до Вологды.

– Нормально вчера сидели, – рассказывали ребята. – Нет, Коле вдруг приспичило: поеду да поеду... Ну, купили билет ему, посадили на поезд, проводили...

Он был большим, настоящим поэтом

Я не был близким другом Николая Михайловича. Просто в силу обстоятельств оказался его старшим товарищем, разбирал его стихи и публиковал их во флотской газете и других изданиях североморцев. Порою, может быть, даже склонял молодого поэта к написанию произведений сугубо «газетных». Слава Богу, случилось это крайне редко, и Николай, хотя иногда и писал стихи по заказу, но «газетным» поэтом не стал, что тогда было обычным явлением.

Не могу сейчас припомнить, почему в первом номере альманаха «Полярное сияние» (февраль 1959 года), вышедшего на Северном флоте, не оказалось стихов Рубцова. Ведь в вышедшем годом раньше коллективном сборнике стихов и прозы «На страже Родины любимой» Николай представлен довольно основательно. Целый разворот отведен ему и во втором номере альманаха. Нередко он печатался во флотской газете «На страже Заполярья».

Какой была наша первая встреча с Рубцовым? Случилось это либо в конце 1956-го, либо в самом начале 1957-го. В малюсенькую комнатунку отдела культуры и быта в тогдашнем деревянном здании нашей редакции протиснулся посетитель – небольшой, невысокого роста матрос. Представился: Николай Рубцов. Стихи его, приходящие по почте, я уже знал и охотно готовил их к публикации. Мы порадовались очному, наконец-то, знакомству, я отобрал для газеты несколько стихотворений из принесенной моряком рукописи.

А когда летом 1957 года было создано флотское литературное объединение, в него, безусловно, вошел и Рубцов. Учредительное собрание объединения состоялось в воскресенье 7 июля, а тремя неделями позже, 28-го, прошло

его первое творческое занятие. Стихи Рубцова не раз обсуждались литобъединенцами, которые собирались тогда в Североморском матросском клубе каждое воскресенье. Николай приходил сюда в увольнение с эскадронного миноносца, на котором служил дальномерщиком, в ладно пригнанной форме, подтянутый, скромный. И тут я невольно хочу коснуться некоторых деталей, о которых узнал значительно позже.

Летом 1976 года во Владивостоке, где я находился в творческой командировке, мы совершенно случайно встретились с Геннадием Фокиным, который по своим моряцким делам приехал во «Владик» из порта Находки. Гена всю службу североморца нес на одном корабле с Рубцовым, дружил с ним и тоже занимался в литобъединении. Именно он написал предисловие к подборке стихов Николая, которая была напечатана в «На страже Заполярья» под традиционной рубрикой «Счастливого пути». Теперь в дружеском застолье Фокин рассказал мне, что занятия литобъединения они с Николаем глубоко почитали и, ведя себя вполне достойно, являлись на них «как штык» и «как стеклышко». Но вот после... Особенно, если удавалось в кассе редакции получить оче-

редной гонорар. «Под газом» они добирались до эсминца лишь к концу увольнения, и дело порою кончалось для них неприятно.

Да, среди других причин сгубило Николая Рубцова и его пристрастие к бутылке. Известный писатель Василий Белов, который был дружен с Рубцовым и который и сам когда-то не чурался выпивки, в статье «Лад нашей жизни» (газета «Советская Россия» от 9 июня 1985 г.) вспоминает: «Как-то Николай гостил у меня пару недель в Тимонихе. Не мог отказать себе и втихомолку выпивал. Но вот что меня поразило: бутылки от вина он прятал в краниву. Признался мне: стеснялся моей матери... Жаль, он так и не сумел выстоять перед пагубной страстью. А сколько других талантов она погубила!..»

Имя Рубцова еще при его жизни стало обрастать легендами – и весьма близкими к истине, и явно вымышленными. Впрочем, это очень знаменательно: о малозаметном, незначительном человеке баек сочинять не станут.

С сожалением нужно заметить, что многие строки, строфы, а то и целые стихотворения вместе с их авторами ушли от нас безвозвратно: известно, что Рубцов редко сразу записывал родившиеся стихи, долго вынашивая их в голове и надеясь на хорошую память. Увы, не все такое наследие уцелело. Тем бережнее следует относиться к тому, что доступно нам. Приведу несколько примеров.

В книге «Россия, Русь! Храни себя...», составленной умершим недавно близким другом Рубцова рязанским писателем, бывшим североморцем Валентином Сафоновым, есть стихотворение «Весна на море». Это не что иное, как стихотворение «Май пришел», публиковавшееся в пятидесятых годах во флотской газете и в сборнике «На страже Родины любимой». И если последнюю строфу его:

Май пришел к нам.
Всей душою
Мы хотим, чтоб, как всегда,
Звонко грянул над страну
Праздник счастья и труда!

– можно при необходимости и опустить, то вторую, на мой взгляд, никак нельзя убирать, ибо в ней, несмотря на две начальные «проходные» строчки, есть замечательные две последние:

Ветра теплое дыхание,
Звоны легкие волны...
Так и хочется заданье
Получить от старшины!

Как здорово здесь передано ощущение щедрого весеннего прилива сил!

Бывший североморец поэт Александр Миланов выступил в мурманской областной газете «Комсомолец Заполярья» с весьма интересным, заслуживающим внимания материалом «Море Николая Рубцова» (4 марта 1982 г.), проиллюстрировав его ранними стихами Николая. Есть среди них стихотворение «Начало любви» – о том, как автор в детстве впервые встретился с моряком Северного флота. Это же стихотворение прислал из Москвы в начале 1968-го в редакцию «На страже Заполярья» сам Рубцов, и оно было напечатано в газете 4 февраля того же года. Сравните две эти публикации. Сколько в них различий! Какой из вариантов считать окончательным? Видимо, все же последний, завизированный самим автором.

Публикацию во флотской газете, озаглавленную «Звезда полей», предваряет письмо одного из североморских

друзей Николая – Сергея Шмицько. Приведу выдержку из него.

«Весной прошлого года Николай Рубцов был в Москве. Мы вспоминали Североморск, морскую службу. Я разыскал вырезки из флотской газеты, первые номера альманаха «Полярное сияние».

– Мне очень дороги стихи, которые я написал в матросском кубрике, – сказал поэт и, улыбнувшись, прочитал:

Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал...

Мне думается, Рубцов обязательно напишет еще много хороших стихов о заполярном флоте, где прошла его юность».

Увы, до кончины Николая оставалось уже менее трех лет...

Да, повторю: надо беречь все, созданное Рубцовым. Как и тщательнее подходить к созданию музыкальных произведений на его стихи. Ведь нередко композиторы слишком вольно обращаются с рубцовскими текстами.

Между тем, Николай писал и то, что должно было стать песнями. Пример тому – напечатанное в сборнике «На страже Родины любимой» стихотворение «Пой, товарищ...» Еще в период службы Рубцова на Северном флоте песенные по своему складу его стихи привлекали

внимание самодеятельных композиторов. Моим однофамильцем матросом Виктором Матвеевым, офицером Георгием Каликиным и другими североморцами ряд стихов Рубцова был положен на музыку в ту давнюю пору.

До службы на военном флоте Николай, с ранней юности рвавшийся к морю, успел поработать кочегаром на рыболовецком судне. У него есть несколько стихотворений, связанных с этим периодом, в том числе и знаменитое, начинающееся строчками:

Я весь в мазуте,
весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте!

Последний раз я встретился с Николаем в Архангельске в октябре 1970-го на выездном расширенном заседании секретариата Правления Союза писателей РСФСР, посвященном теме труда в произведениях литераторов Северо-Запада. Встретились мы в первый же день приезда в коридоре гостиницы «Двина». Обнялись, расцеловались, обменялись своими последними книгами. Рубцов подарил мне только что вышедшую в «Советском писателе» – «Со сен шум» с надписью: «Владимиру Матвееву, моряку, первому поэту Военного Северного флота. С благодар-

постью и любовью».

А через три месяца, 21 января, там же, в Архангельске, куда я прилетел с флота на совещание редколлегии ежегодного альманаха «День поэзии Севера», буквально у трапа самолета встречавший меня тогдашний глава писательской организации архангелогородцев поэт Дмитрий Ушаков ошеломил страшным известием, что два дня назад Николая Рубцова не стало...

Естественно, наша редколлегия проходила подавленно, тем более, что в обсуждавшийся выпуск альманаха были предложены стихи и Рубцовым. Они и вошли в этот «День поэзии Севера» – «В дороге», – «В твоих глазах...».

Память о Николае Михайловиче бережно хранят не только его друзья и земляки, но и многочисленные почитатели его таланта, которых становится все больше и больше. Немало исследовательских работ появилось о его творчестве, опубликована масса воспоминаний о нем. Многие поэты посвятили ему стихи. Например, у бывшего архангелогородца, ныне москвича Валентина Суховского в книге «Дали долинные» есть стихотворения «Вологда», «Из последних встреч с Рубцовым».

У старейшего поэта-мариниста Николая Флерова, всю Великую Отечественную служившего на Северном флоте, не раз бывавшего там в послевоенное время, участвовавшего в занятиях североморского литобъединения и лично знавшего Рубцова, есть отличное стихотворение «Звезда морей», перекликающееся с рубцовой «Звездой полей».

Но, пожалуй, лучше всех написал о Рубцове Евгений Евтушенко. Его стихотворение кончается так:

Перед смертью, как перед
обрывом,

завещает светящийся

стих:

можно быть самому

несчастливым,

но счастливыми

сделать других.

Рубцов приносит истинное наслаждение тем, кто ценит настоящую поэзию, прежде всего – русскую. При жизни его вышло всего четыре книжечки стихов Николая. Зато после смерти появилось немало его однотомников, зачастую весьма солидных. Книжки замечательного лирика еще будут и будут выходить. Это несомненно.

Этот материал о поэте мне хочется закончить недавно написанным мной стихотворением.

Поэт и море

Не была твоя участь

хваткою,

Только надобно факт

учесть:

С долей флотскою и

рыбацкою

У нее неразрывность

есть.

У широт, штормовая

школа где,

Ты в морях много

миль прошел,

Но причал в сухопутной

Вологде

И свой вечный покой

нашел.

Ах, не надо бы так
причаливать!
Лучше бы ты, подняв
паруса,
Морем лирики плыл
отчаянно,
По сей день верша
чудеса...
Все равно поклонюсь
той местности,
Где решилось в конце
концов,
Что почти мировой
известности
Ты достиг, Николай
Рубцов.
Был порой ты снедаем
трансами
Но сколь мизерны те
грехи,
Ибо песнями да
романсами
Обернулись твои стихи.
...Ветры с моря пути
привычные
Держат в северные
края.
Где-то в небе струной
трагичною
Обрывается песнь твоя...

Это муза не прошлого...

К Есенину у Рубцова отношение особое. «...невозможно забыть мне ничего, что касается Есенина», – однажды напишет он мне. Но это будет позже, в пятьдесят девятом, когда мы всерьез начнем искать следы пребывания Сергея Александровича в Мурманске.

А вообще-то и знакомство наше начнется с Есенина.

В политуправлении флота надумали провести вечер самодеятельной поэзии. Нам дружно и много аплодируют: как понимаю теперь, не столько за качество, сколько за смелость. Ну и солидарность со счетов не сбросишь: своя братва, матросы!

Едва я закончил и укрылся за кулисы, ко мне подошел незнакомый морячок. Протянул руку: – Рубцов. Николай. Рука небольшая, аккуратная, и пальцы сухие, тонкие, а рукопожатие сильное. Роста морячок невыдающегося, но скроен крепко, надежно, и влитое лежат на плечах погонычки с литерами «СФ». Пышные усы, лоб с изрядными залысинами, бережная – волос к волосу – прическа... И внимательный, цепкий взгляд.

Я назвал себя.

– Есенина любишь... – не то спрашивая, не то утверждая, сказал Рубцов. И, не дождавшись ответа, добавил: – По стихам твоим понял. На слух.

Я хотел отделаться шуткой: де-мол, земляки, а землячество обязывает...

– Так ты рязанский! – ухватился за меня Рубцов. – А что ты знаешь о Есенине?

Знал я, понаслышке, конечно, и о том, что еще жива Татьяна Федоровна – мать поэта, сёстры Шура и Катя.

– Эх, поговорить с ними! – загорелся Николай. – Вот расскажут... Слушай, ты у какого причала стоишь? Получу увольнение – приду.

Как раз в это время то ли от кого-то услышалось, то ли вычиталось мною, что Есенин бывал в Мурманске. Смутно припоминаю, что о посещении поэтом Мурманска рассказывал мне седовласый капитан дальнего плавания: я приехал к нему из Североморска за материалом для флотской газеты.

Написал Рубцову на корабль. И вскоре получил ответное письмо, в котором были такие строки:

«...Надо бы поехать в Мурманск и на месте попытаться найти людей, которые помогут. Перепиской вряд ли чего добьешься, но, не имея других средств, я все-таки написал письмо в Ростов-на-Дону знакомой преподавательнице литературы, она любит Есенина и прекрасно знает его биографию. Недавно она тоже была в Мурманске продолжительное время. Может, подскажет, с чего начать...

Что бы там ни было, помнить об этом буду постоянно. Да и невозможно забыть мне ничего, что касается Есенина. О нем всегда я думаю больше, чем о ком-либо. И всегда поражаюсь необыкновенной силе его стихов.

Многие поэты, когда берут нефальшивые ноты, способны вызвать резонанс соответствующей душевной струны у читателя. А он, Сергей Есенин, вызывает звучание целого оркестра чувств, музыка которого, очевидно, может сопровождать человека в течение всей жизни.

Во мне полнокровной жизнью живут очень многие его стихи. Например, вот эти:

...Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченных черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять!

Так и представляется, как где-то в голубой сумрачной степи маячит одинокая разбойная фигура. Громкий свист... Тихий вскрик... И выплывает над степью луна, красная, будто тоже окровавленная... Не важно, что образ хулиганский. Главное в нем – романтика и кипение, с исключительной силой выразившие настроение (беру чисто поэтическую сторону дела). Вообще в стихах должно быть «удесятеренное чувство жизни», как сказал Блок. Тогда они действительны...»

В марте 1958 г. у нас состоялся двухдневный семинар литобъединения с участием критика Андрея Туркова. Отчет о семинаре флотская газета опубликовала со снимками. На одном из них литобъединенцы сгрудились возле классной доски, завешанной полотнищами с текстами стихов. Самый внимательный читатель, если верить мгновению, запечатленному объективом, – Коля Рубцов. Ребята не позировали, даже не подозревали, что их фотографируют, и потому естественны, не прикрашены.

Вот этот мартовский семинар и положил начало таким отношениям между нами, которые я решаюсь назвать

дружбой. Если прежде мы встречались эпизодически, от случая к случаю, то теперь заранее сговаривались об увольнении в один и тот же день, а уж занятия в литобъединении не пропускали вовсе.

Как ни красивы черный бушлат и форменная рубашка с голубым воротником, как ни отважна молодость двадцатилетних, а – привязанные к морю на долгие, длинные годы – тосковали мы, каждый из нас, по своему дому, по родным и близким.

Помню часы полярной ночи, светлой от багрецов, от сполохов сияния. Мы трое – Юра Якунин, Коля Рубцов и я – ходим по главной улице Североморска, улице имени Бориса Сафонова. И наизусть взахлеб читаем друг другу Есенина.

– Какая заложена сила в этих нехитрых стихах: «Ты жива еще, моя старушка? Жив и я. Привет тебе, привет!..» – говорит Николай.

Я вот и сейчас уверен: Рубцову, прошедшему через горькое сиротство, через детдом, немало поскитавшемуся до призыва, это стихотворение было особенно близко. О том, какие струны затрагивало оно в Колиной душе, можно было догадаться потому хотя бы, что слезы закипали на его глазах, когда читал он вслух «Письмо

матери». И понятны, и простительны были эти слезы.

А ночная та прогулка оживет в моей памяти, когда в первом крохотном сборнике Рубцова «Лирика» (Северо-Западное книжное издательство, 1965 г.) увижу такие строки:

Я сам за все,
Что крепче и полезней!
Но тем богат,
Что с «Левым маршем» в лад
Негромкие есенинские песни
Так громко в сердце
Бьются и звучат!

Совпадение между стихами и давними словами о «Письме матери» почти буквальное...

Вспоминаю приезд Николая в Рязань. По времени – неожиданный – был март 1968 года, но затеянный им, конечно же, ради Есенина.

Таял снег, дули пронзительные ветры. Подняв воротник пальто и кутая шею в шарф, Рубцов ходил по сырým улицам Рязани и сокрушался, что не сохранилось зримых примет пребывания Есенина в городе. Поздним вечером, точнее в ночи даже, пришли мы, несколько человек, в кремль – к могиле Полонского. И долго стояли у хлипкой решетки, отгородившей от нас мраморную глыбу надгробья. А потом, отвалив в сторону от заповедника, идя по колену в громыхающем снегу, наткнулись на гору ящиков – выброшенную за ненадобностью магазинную тару. Колина душа истрадалась по живому пламени. Достал из кармана спички.

– Запалим костер, мужики?

Синие тени падали на хрусткий подмороженный снег,

передвигались вокруг огня, а нам было весело, хорошо было, и мы читали стихи. И свои и Есенинские. Сергея Есенина он слушал молча, задумчиво. После некоторых наших лишь вежливо улыбался: весна пьянила. Костер наш прогорел лишь к утру.

Ребята рассказывали после, что в Константинове Николай был угрю-

мо сосредоточенным и резким. Экскурсовода слушать не пожелал – по комнатам музея ходил в одиночку. Вздрагивал, испуганно оборачивался на каждый звук: кашляет ли кто-то, ступенька ли скрипнет... О чем он думал в те минуты – можно только догадываться, сочинять нельзя...

Брат, возвратясь из Москвы, сказал:

– А Коля обиделся на тебя. За то, что в Константинове не поехал. Хотелось ему к Есенину вместе с тобой...

Знать бы, как оно в скором времени обернется... Да ведь все думаем, что живем вечно.

Уже после смерти его узнал я эти стихи о Есенине, его поэтические думы о нем.

Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была... Да не эта!

Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!

Эта муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

Рязань.

Г. Васильев

Памяти Н. Рубцова

Только речка да старый мост
И еще куличок в камышах
Знают, где, на какой из звезд
Затворилась твоя душа.
А из нас никто, никогда
Не отыщет жилья затворницы,
Не узнает, какая звезда –
Свет души твоей,
Чистой горницы.

W. Hoff

Содержание

В. Смирнов Большое сердце поэта.....	3
С. Шмитько «Звезда полей».....	5
Г. Фокин Полонез Огинского.....	7
В. Панюшкин Здесь он начинал... ..	17
В. Сорокажердьеv Деньги для Коли.....	19
В. Матвеев Он был большим, настоящим поэтом.....	22
В. Сафонов Это муза не прошлого... ..	31
Г. Васильев Памяти Н. Рубцова	37

